

Глава 20

Остаток обеда Цзин Чжи доедал, не чувствуя вкуса, намеренно растягивая время и отправляя в рот рис по одному зёрнышку, не поднимая глаз.

Ведь как только он закончит, придётся взойти на эшафот.

Но коробка с едой — не карман Дораэмона, и новая еда в ней не появится. Вскоре исчезла и последняя рисинка. Цзин Чжи несколько раз тщательно прошёлся по дну палочками, но ничего не нашёл. Смирившись с неизбежным, он принялся упаковывать пустой контейнер.

Цзян Суйфэн, до этого болтавший с Мими о его друзьях из приюта, заметил, что Цзин Чжи закончил, и с улыбкой обратился к малышу:

— Маленький папа поел. Мы с ним сейчас ходим за всякими вкусностями, а ты пока поспи. Когда проснёшься, мы принесём тебе подарок.

Глаза Цзин Мими восторженно блеснули, и он кивнул. Когда он был котёнком, папы тоже часто уходили вместе на «охоту» и возвращались с подарками.

Цзин Чжи промолчал.

Скрипнув зубами, он с нарочитой грубостью принялся убирать контейнер, отчего пакет зашуршал особенно громко. Изначально он планировал, что Цзян Суйфэн уйдёт сразу после встречи, но тот снова проявил хитрость, обеспечив себе повод вернуться.

Ну конечно, чего ещё ждать от коварного капиталиста.

Упаковав свой мусор, Цзин Чжи поднялся, обошёл кровать, чтобы забрать и контейнер Бай Ин, и, бросив на Цзян Суйфэна красноречивый взгляд, вышел из палаты. Тот последовал за ним.

Цзин Мими перевернулся на кровати и, провожая взглядом удаляющиеся спины отцов, почувствовал невероятное счастье.

Хотя он и чувствовал, что папы всё ещё неловко дуются друг на друга после ссоры, он был уверен: с помощью маленького котёнка их примирение — лишь вопрос времени!

Он уже начал представлять себе счастливую жизнь, когда они все вместе вернутся домой.

Едва они вышли из палаты, Цзян Суйфэн тут же схватил руку Цзин Чжи, висевшую вдоль тела. В отопляемом помещении их ладони были тёплыми, но Цзин Чжи в то же мгновение вырвал свою руку.

— Поговорим на улице, — бросил он, пряча обе руки в карманы и ускоряя шаг.

Цзян Суйфэн поспешил за ним, слегка сжав пальцы, всё ещё ощущавшие долгожданное прикосновение.

В тесном пространстве лифта, где они остались одни, он не выдержал:

— Что с твоим желудком? Какие результаты гастроскопии?

«Ну вот, началось», — подумал Цзин Чжи.

— Ничего серьёзного, — ответил он. — Просто забывал поесть. Не волнуйся.

— А ты знаешь, что я буду волноваться.

Цзин Чжи промолчал, уставившись на сменяющиеся цифры этажей и молясь, чтобы лифт ехал быстрее.

Но Цзян Суйфэн не собирался отступать:

— Сяо Цзин, все эти дни в командировке я думал только о тебе, переживал. В ту ночь ты не заблокировал мой новый номер, и хоть ты и сбрасывал все звонки, я был так счастлив. Впервые за долгое время я смог нормально уснуть.

Цзин Чжи решил открыть ему жестокую правду:

— В ту ночь звонки сбрасывал не я.

Цзян Суйфэн замер.

— Это был Мими, — пояснил Цзин Чжи. — Я спал, а он решил, что назойливые звонки мешают мне отдыхать. Вот и сбрасывал их один за другим, пока телефон не сел. — И добавил: — Он просто не знает, как заблокировать номера.

В гладкой стене лифта отразилось лицо Цзян Суйфэна с непередаваемым выражением. Цзин Чжи вдруг почувствовал желание рассмеяться и дорисовать ему красный нос.

Детское отделение находилось на нижних этажах, и за время их короткого разговора лифт прибыл на первый. В тот же миг, как открылись двери, прозвучал голос Цзян Суйфэна:

— Какой заботливый сын.

Цзин Чжи не сдержал лёгкой улыбки и широким шагом вышел из лифта.

Почувствовав, что его настроение улучшилось, Цзян Суйфэн решил рассказать о дедушке. Их нынешний конфликт был напрямую связан с тем сообщением, и этот вопрос нужно было прояснить.

Узнав, что сообщение отправил дедушка Цзян, Цзин Чжи сглотнул, и его едва приподнятое настроение снова ухнуло вниз.

В детстве, когда родители Цзян Суйфэна были заняты на работе, его воспитывали дедушка с бабушкой, и он был очень к ним привязан. Бабушка умерла, когда они только начали встречаться и ещё не рассказали семьям о своих отношениях. Цзян Суйфэн тогда долго горевал, и Цзин Чжи, бывший всё это время рядом, прекрасно понимал, какое место занимали в его сердце старики.

Бабушка умерла от рака. Дедушка был ещё довольно крепким, но возраст брал своё. Видя, что его внуку скоро тридцать, что у него стабильная работа и успешная карьера, но он не только не женат, но и «путается» с женщиной, он, конечно же, беспокоился.

Цзин Чжи всегда боялся, что однажды дедушка, прикрываясь своим здоровьем, начнёт давить на внука, желая до своей смерти увидеть его «нормальную» свадьбу. Полученное сообщение

намекало именно на такой сценарий.

На душе стало тяжело и тоскливо.

К счастью, Мими вернулся. Оставить ребёнка себе было лучшим решением. Так они оба смогут начать новую, лучшую жизнь.

Его мать, хоть и не могла смириться с его отношениями, лишь без конца твердила, что хочет внуков. Она не предпринимала никаких решительных действий, просто пыталась «образумить» его, словно монах Сунь Укуна своей золотой тиарой, но без особого успеха. Что ж, раз она хочет внука, он даст ей уже большого, говорящего, который сможет сразу называть её бабушкой.

Стоило им выйти из главного холла больницы, как их окутал холод. Цзин Чжи невольно содрогнулся.

Цзян Суйфэн всё ещё рассказывал, как отчитал деда по возвращении и как вечером получил от него сообщение с извинениями, доказывающее, что старик не был совсем уж упрямым и неразумным.

Но Цзин Чжи уже не слушал.

Он понимал, что Цзян Суйфэн пытается донести, знал о его твёрдых намерениях, но после того, как он столкнулся со смертью Мими, его взгляд на мир изменился. Некоторые вещи, как бы ты за них ни боролся, обречены на провал.

Как болезнь их котёнка, когда единственным выходом осталась эвтаназия.

Как их семьи и общество, которые, возможно, никогда их не примут.

Чудеса случаются, но слишком редко. Возвращение Мими, вероятно, и было величайшим чудом, дарованным им небесами.

Даже ради самого Мими расставание было лучшим выбором. Нельзя было позволить, чтобы ребёнок вместе с ними страдал от давления окружающего мира.

Цзин Чжи резко остановился. Цзян Суйфэн был выше, и ему пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

У Цзян Суйфэна были глаза «цвета персика» и красивое лицо — казалось бы, он должен был быть тем ещё ловеласом. Но в вопросах любви он был на удивление неопытен. Увлечённый множеством хобби, с богатым внутренним миром, он до самой аспирантуры ни с кем не встречался.

Когда они познакомились, Цзин Чжи был покорён его внешностью и, пользуясь своим положением, осмелился сделать первый шаг.

В начале отношений они, конечно, сталкивались с разногласиями, но совместная жизнь — это постоянный процесс притирки, и их чувства от этого становились лишь крепче.

Семь лет. От этого было очень трудно отказаться.

Но жизнь длинна, и нельзя иметь всё сразу.

Глядя ему в глаза, Цзин Чжи спокойно произнёс:

— Я провожу тебя досюда. Возвращайся. Я куплю Мими небольшой подарок и скажу, что у тебя появились срочные дела и ты зайдёшь в другой раз. Если захочешь его увидеть, можешь... —приехать прямо в приют, не договорил он.

— Я без телефона, — перебил его Цзян Суйфэн.

Цзин Чжи непонимающе моргнул.

— Оставил в палате, чтобы Мими поиграл, — пояснил тот.

Детское отделение находилось в самом дальнем корпусе. Чтобы вернуться за телефоном, пришлось бы проделать немалый путь, тогда как выход из больницы был всего в нескольких шагах.

Цзин Чжи криво усмехнулся.

Что ж, хорошо. Ему не переиграть этого коварного капиталиста.

Видя, что Цзин Чжи, кипя от злости, направился прочь от больницы, Цзян Суйфэн с виноватым и заискивающим видом поспешил за ним. Он догадывался, что Цзин Чжи попытается его выпроводить, он слишком хорошо его знал, а потому заранее подготовил путь к отступлению.

Без маленьких хитростей жену не вернуть.

У входа в больницу обычно торговали уличной едой. Цзян Суйфэн огляделся и сказал:

— Хочу цзяньбин.

Цзин Чжи с раздражением подошёл к лотку и заказал для него самый простой вариант, намеренно отказавшись от его любимой сосиски, после чего расплатился телефоном.

Цзян Суйфэн заметил это, но промолчал. Он прекрасно понимал разницу между одной сосиской сейчас и множеством сосисок в будущем.

Блинчик приготовили быстро, и вскоре Цзян Суйфэн уже держал в руках горячее угощение. Откусив кусок и проглотив, он заметил:

— Не так вкусно, как у нашего университета. Попробуешь?

Раньше, в студенческие годы, на улочке с едой у ворот их университета готовили невероятно вкусные цзяньбины. Они часто покупали один на двоих после вечерних занятий.

Это был вкус их первой, немного неловкой, но такой пылкой любви.

— Сам ешь, — всё так же раздражённо бросил Цзин Чжи и пошёл вперёд.

Цзян Суйфэн, с блинчиком во рту, поспешил за ним.

Цзин Чжи направлялся за подарком для Мими. Он хотел поскорее всё купить и вернуться, лишь бы не оставаться наедине с этим человеком, который не замолкал даже с набитым ртом.

Неподалёку оказался магазин сувениров, и Цзин Чжи, толкнув дверь, вошёл внутрь. Он не

очень умел выбирать подарки для детей. Его взгляд упал на Цзян Суйфэна, который, оказавшись в толпе покупателей, наконец-то молча доедал свой цзяньбин.

— Выбирай. Я заплачу.

Цзян Суйфэн тут же принял приказ.

В итоге, чтобы уместить все покупки, продавщице понадобился самый большой пакет.

Цзян Суйфэн уже доел и, видя это, сам взял пакет в руки. Цзин Чжи был игровым стримером и много работал с клавиатурой и мышью, отчего у него развился профессиональный тендинит. Цзян Суйфэн всегда старался заботиться о нём в мелочах, уменьшая нагрузку на его руки.

Цзин Чжи не стал спорить. Расплатившись, он лишь кивнул ему, и они вместе покинули магазин, направляясь обратно в больницу.

Зимой на улицах повсюду появляются тележки с печёным бататом и грушевым отваром с леденцовым сахаром, распространяя сладкий аромат.

— Давай купим Мими грушевый отвар, пусть попробует, — вдруг предложил Цзян Суйфэн.

Цзин Чжи покосился на него.

— Так ты веришь, что это он?

Цзин Чжи любил сладкое, и зимой Цзян Суйфэн часто приносил ему с работы горячий грушевый отвар, или же он готовил его сам. Кошкам можно было давать немного груши, но в этом напитке было слишком много сахара, поэтому они никогда не угощали им своего питомца, хоть тот и подходил несколько раз, с любопытством принюхиваясь.

Теперь же, став человеком, он мог есть многое из того, что было запрещено кошкам.

Цзян Суйфэн неопределённо пожал плечами.

Сложно сказать. Хоть они и провели вместе совсем немного времени, и у него не было прямых доказательств, интуиция подсказывала, что это действительно их Мими.

Но признаваться в этом Цзин Чжи он не спешил. Даже если он был уверен, ему нужно было изображать сомнение. Так у него будет больше поводов оставаться рядом. Он не хотел, чтобы его лишили «отцовских прав».

Поэтому, пока Цзин Чжи расплачивался за напиток, он сказал:

— Нужно ещё понаблюдать.

Цзин Чжи ничего не ответил. Взяв стаканчик, он вместе с Цзян Суйфэном вошёл в больницу. Корпуса были соединены между собой переходами. Цзин Чжи, не любивший холод, решил пройти через главный корпус, чтобы погреться.

Был выходной, и в больнице было многолюдно. Цзин Чжи стремился поскорее вернуться в палату. Цзян Суйфэн шёл следом, то и дело что-то говоря. Если Цзин Чжи не отвечал, он просто менял тему.

Погружённые в свои мысли, они не замечали пристального взгляда, следовавшего за ними.

Сюй Сумэй в последнее время беспокоили глаза — казалось, там что-то выросло. Воспользовавшись выходным, она приехала в больницу, записавшись на приём к специалисту.

Каково же было её удивление, когда в холле она увидела своего сына с его парнем.

Она немного знала о нём: звали Цзян Суйфэн, учился с сыном в одном университете, вместе уже много лет. Она так и не смогла этого принять, поэтому сын никогда не приводил его знакомиться. Но она видела его фотографию на заставке телефона сына, да и пару раз случайно встречала на улице, хоть и не разговаривала.

Положа руку на сердце, парень был видный и симпатичный. Были бы они просто друзьями, как её сын с Фан Юанем, всё было бы прекрасно.

Она не могла понять, как её сын мог полюбить мужчину. Она винила себя: может, дело в том, что он рос в неполной семье, без отцовской любви? Она пыталась его «исправить», но ничего не помогало.

Как двое мужчин могут создать семью, продолжить род? Она была женщиной старой закалки и не могла этого ни понять, ни принять.

Она так ждала свадьбы сына, мечтала о внуках.

А эти двое даже пожениться не могут, не говоря уже о детях. Все деньги, что она потратила на свадебные подарки чужим детям, никогда не вернутся.

В руках у них был большой пакет, так что вряд ли они пришли на приём — скорее всего, кого-то навещали.

Сюй Сумэй решила незаметно проследить за ними.

Лучше бы она этого не делала.

Услышав донёсшийся из палаты детского отделения тоненький голосок, звавший «Большого папу» и «Маленького папу», Сюй Сумэй застыла на месте, словно ледяная статуя.

Дверь в палату была приоткрыта. Воспользовавшись моментом, когда Цзин Чжи отвлёкся, она заглянула внутрь. Там сидел очень красивый ребёнок, похожий на фарфоровую куклу, со светло-жёлтыми волосами.

Но дело было не только в красоте. Он был чем-то похож на Цзин Чжи в детстве, особенно бровями и губами. Сейчас, когда сын вырос, это сходство было не так заметно, но она была его матерью, она его вырастила и не могла ошибиться.

Страшная догадка пронзила её сознание.

Дрожащими руками Сюй Сумэй достала телефон и отправила сыну сообщение: «Сяо Цзин, ты где сейчас?»

Ответ пришёл почти мгновенно: «На работе, мам. Что-то случилось?»

Сын почти никогда ей не врал.

Это лишь укрепило её подозрения.

Она хотела, чтобы её сын жил нормальной жизнью, женился, завёл детей, она часто говорила ему, что мечтает о внуках, но никогда бы не подумала, что он пойдёт на такой аморальный и незаконный шаг.

Она где-то слышала о суррогатном материнстве — бесчеловечной торговле женскими телами, превращённой в целую подпольную индустрию. Говорили, что можно даже выбрать донорскую яйцеклетку. У того ребёнка были светло-жёлтые волосы, как у иностранца.

Как такое могло случиться?

Хоть она и растила сына одна, она всегда прививала ему правильные ценности. Как бы она ни уставала на работе, она никогда не пренебрегала его воспитанием — не только в учёбе, но и в вопросах морали.

Она считала, что хорошо его воспитала. Её сын всегда уважал женщин.

Как он мог так поступить?

В голове у Сюй Сумэй был полный сумбур. Грудь тяжело вздымалась. Она быстро нацарапала на экране телефона новое сообщение: «Оставь этого маленького иностранца и выходи».

В палате Цзин Чжи, державший на руках Мими и одновременно смотревший в телефон, замер в недоумении.

Он опустил взгляд на светловолосого малыша в своих объятиях, затем поднял его на мать, неизвестно когда появившуюся в дверях. Паника смешалась с растерянностью.

Маленький иностранец... это он о Мими?

Примечание автора:

Мими: Бабуля, я — маленький заморский котик, которого слепил Кошачий Бог!

Недоразумение разрешится в следующей главе! Маленький заморский котик покорит сердце бабули.

<http://bllate.org/book/13680/1212150>